I.

ДѢЛО НА ГОЦАТЛИНСКИХЪ ВЫСОТАХЪ

21-го сентября 1843 года.

(Изъ походныхъ записокъ).

18-го сентября 1843 года, соединенные отряды генераловъ Клюки-фонъ-Клюгенау и князя Аргутинскаго-Долгорукаго, оставивъ позицію при с. Танусъ, гдѣ, съ громаднымъ скопищемъ, укрѣпился Шамиль, передвинулись къ с. Ботлагичъ. На другой день, сборный баталіонъ Апшеронскаго, 2-й Ширванскаго, 8-я рота Мингрельскаго пѣхотныхъ полковъ, пять горныхъ орудій и 150 всадниковъ ширванской милиціи, подъ командою маіора Познанскаго, направлены были внизъ по Кахскому ущелью въ с. Чахгды, у Аварскаго-Койсу, навстрѣчу червodарскому транспорту съ провіантомъ, для войскъ аварскаго отряда, котораго ожидали изъ Темиръ-ханъ-Шуры.

Ширванскій баталіонъ, два орудія и часть милиціи были оставлены на позиціи противъ Гоцатля, гдѣ дорога, выходя изъ ущелья, круто поворачиваетъ къ аулу Чалды; остальныя части заняли этотъ послѣдній аулъ, брошенный жителями.

20-го числа изъ Гергебеля пріѣхалъ генеральнаго штаба капитанъ К* и сообщилъ, что транспортъ съ провіантомъ еще не прибылъ въ Гергебель и, когда прибудетъ, неизвѣстно.

Въ ожиданіи колонны съ провіантомъ, отрядъ маіора Познанскаго оставался въ Чалдахъ, довольствуясь, за неимѣніемъ сухарей, фруктами и огородными овощами роскошныхъ садовъ. Яблоки, дули, виноградъ всевозможныхъ сортовъ, лукъ, чеснокъ, морковь и кукуруза,

поочереди соблазняли неприхотливый, при подобныхъ обстоятельствахъ, апетитъ нашихъ солдатъ. Благо, мы были здѣсь полными хозяевами.

Жара стояла нестерпимая. Бѣлая алебастровая гора, возвышавшаяся почти отвѣсно надъ ауломъ, и раскаленные камни сакель увеличивали духоту. Только и было занятія что слѣдить за одиночными горцами, показывавшимися изрѣдка въ трущобахъ горы, надъ которыми потѣшались наши стрѣлки съ крѣпостными ружьями, пугая выстрѣлами смѣльчаковъ.

21–го числа, въ часъ пополудни, вдругъ получается, не помню уже какимъ путемъ, записка, написанная карандашемъ, на клочкѣ бумаги, въ которой подполковникъ Пассекъ сообщаетъ маіору Познанскому, что Шамиль, наканунѣ вечеромъ, оставилъ Танусъ, и что, по Кахскому хребту, двинулась партія Кибитъ–Магомы къ Гоцатлю, въ числѣ до 7,000 человѣкъ, съ вѣроятнымъ намѣреніемъ истребить нашъ отрядъ, котораго наличный составъ не превышалъ 1,200 человѣкъ.

Въ ту же минуту загремѣли барабаны и отрядъ бѣгомъ двинулся на соединеніе съ ширванскимъ баталіономъ. Поднявшись на гоцатлинскія высоты, мы увидѣли, что по всему протяженію хребта, со стороны Каха, тянулись густыя толпы горцевъ. Передовые горцы, сплошною лентою, пестрѣлись на единственной крутой тропинкѣ, спускавшейся зигзагами къ садамъ и начали уже перестрѣлку съ ширванцами.

Въ четыре часа мы соединились на позиціи и, занявъ пять кургановъ, огибавшихъ площадку, гдѣ располагался баталіонъ, вступили въ живую перестрѣлку съ окружавшимъ насъ непріятелемъ. Татары до самой ночи спускались въ сады и еще много ихъ видно было на горѣ. Было замѣчено, что Кибитъ–Магома, расчитывая атаковать насъ ночью массами, выжидалъ, пока не соберутся всѣ его силы. Грозное пѣніе «ла–иль–алла», смѣшивалось съ громомъ ружейныхъ и орудійныхъ выстрѣловъ.

Позиція наша, въ тактическомъ отношеніи, представляла мало выгодъ къ оборонѣ. Площадка, не болѣе 400 шаговъ въ квадратѣ, имѣла справа большой курганъ, который примыкалъ къ глубокому оврагу; въ тылу позиціи тянулся крутой обрывъ; съ фронта и съ лѣвой стороны, на разстояніи 200 шаговъ, возвышалось пять довольно значительныхъ голыхъ кургановъ, полукругомъ; въ промежуткахъ, между возвышенностями, разстилались сады, на разстояніи 100 шаговъ.

Пока было свѣтло, цѣпь наша, занимая курганы, удерживала горцевъ въ чащѣ садовъ. Для ночи же, подобная оборона не представляла того удобства. Маіоръ Познанскій понималъ это весьма хорошо; но, чтобы увѣрить и другихъ начальствующихъ лицъ въ неизбѣжности задуманнаго имъ плана, объяснивъ положеніе дѣла собравшимся баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ, спросилъ ихъ мнѣнія относительно расположенія частей, для ночной обороны позиціи. Капитанъ генеральнаго штаба К*, недавно прибывшій на Кавказъ, всевозможными доводами и тактическими правилами, старался доказать необходимость занятія нашею цѣпью передовыхъ кургановъ; мнѣнія же прочихъ, преимущественно старыхъ кавказцевъ, капитановъ Бухановскаго, Павлова и другихъ, держались предложенія Познанскаго. Маіоръ Познанскій, указавъ на то важное обстоятельство, что, послѣ предшествовавшихъ неудачъ, трудно вполнѣ полагаться на стойкость солдатъ, раздробленныхъ по клочкамъ, притомъ въ ночное время и при весьма значительномъ численномъ превосходствѣ непріятеля, предлагалъ: оставить на ночь передовые курганы и ограничиться защитою въ центрѣ позиціи.

Сообразно съ таковымъ планомъ, немедленно было отдано приказаніе: устроить земляной завалъ на всемъ протяженіи фронта и слѣва вышиною около аршина; пять орудій были помѣщены противъ ложбинъ между курганами; кавалерія и вьючныя лошади помѣщены къ кручѣ за курганомъ, примыкавшимъ къ позиціи, на вершинѣ котораго расположились 100 человѣкъ спѣшенной милиціи, со взводомъ крѣпостныхъ ружей въ резервѣ.

Въ сумеркахъ, передовая цѣпь, по словесному приказанію офицеровъ, сошла съ кургановъ; четыре роты были расположены на протяженіи лѣваго фланга и центра, по завалу, лежа; причемъ, за исключеніемъ промежутковъ гдѣ стояли орудія, весь брустверъ былъ занятъ сплошною линіею солдатъ. При каждомъ орудіи лежалъ взводъ пѣхоты. Остальныя двѣ съ половиною роты, составляя главный резервъ, помѣстились въ разомкнутыхъ рядахъ у подошвы кургана, къ сторонѣ площадки, середина которой, такимъ образомъ, была совершенно очищена.

Въ промежутокъ времени между закатомъ солнца и наступавшею темнотою ночи, перестрѣлка почти затихла: горцы творили намазъ, а мы устроивались и приготовлялись къ оборонѣ. Около девяти часовъ послышались въ садахъ многочисленные голоса, вѣроятно, начальниковъ, сзывавшихъ въ массы своихъ людей; затѣмъ, раздалась гроз-

пая пѣснь мюридовъ.... все ближе и ближе къ нашей позиціи, со всѣхъ сторонъ....

Вдругъ, градъ выстрѣловъ, съ окружавшихъ высотъ, освѣтилъ окрестность; дикое «ги» раздалось въ промежуткахъ кургановъ. Толпы замѣтно выдвинулись изъ чащи садовъ. Залпъ картечью изъ пяти орудій и батальный огонь, на протяженіи всей позиціи, озадачили горцевъ. Послышались визгъ, стоны, и опять все смолкло на минуту.... Подобные штурмы съ тѣмъ же результатомъ повторялись пять или шесть разъ. Массы приближались къ завалу на 25 шаговъ, но, осыпаемыя пулями и картечью, бѣжали укрыться за курганами, или за деревьями. Крики, ругательства, пѣснь мюридовъ, поочередно раздавались въ толпахъ горцевъ, окружавшихъ позицію. У насъ не слышно было человѣческаго голоса; раздавались только громъ выстрѣловъ, свистъ пуль и картечи. Около часа пополуночи, огонь горцевъ замѣтно началъ ослабѣвать, крики въ садахъ стали удаляться и, наконецъ, все замолкло.... Еще не понимая настоящей причины этого обстоятельства, начальникъ отряда, обходя позицію, подтверждалъ: не плошать и, что называется, смотрѣть въ оба. Съ разсвѣтомъ все объяснилось. Посланный разъѣздъ, осмотрѣвъ опушку садовъ, открылъ, что непріятель, потерпѣвъ весьма значительный уронъ, отступилъ, черезъ Гоцатль на Карадахъ, съ такою поспѣшностью, что даже бросилъ въ садахъ тѣла убитыхъ, а это, вообще, между горцами случается очень рѣдко. Лужи крови на всемъ пространствѣ, окружавшемъ нашу линію, явно свидѣтельствовали о большой потери горцевъ убитыми и ранеными.

Все въ отрядѣ поднялось и встрепенулось. Наша потеря оказалась незначительною: ранены одинъ офицеръ легко въ ногу и пять нижнихъ чиновъ, преимущественно тоже въ ноги. Середина позиціи была изрыта пулями, которыя солдаты начали подбирать съ прибаутками и шутками. Всѣ они были въ восторгѣ отъ распоряженій и ловкости по оборонѣ, понятой ими только теперь. Солдаты выглядывали чисто трубочистами: до того ихъ лица почернѣли отъ пороха, при многихъ и частыхъ выстрѣлахъ лежа, изъ тогдашнихъ нашихъ кремневыхъ ружей.

Въ четыре часа, изъ Кахскаго ущелья, показались всадники, осторожно подвигавшіеся по дорогѣ и бдительно осматривавшіе мѣстность, а вслѣдъ за ними блеснули штыки застрѣльщичьей цѣпи. Громкое единодушное «ура!» потрясло воздухъ, и всѣ вскорѣ мы увидѣли группу, подъѣзжавшую къ намъ на рысяхъ, впереди которой, на бѣломъ своемъ жеребцѣ, скакалъ генералъ Клюки-фонъ-Клю-

нерау. Не дождавшись даже рапорта, онъ почти соскочилъ съ лошади и бросился обнимать Познанскаго, со словами: «Вы ихъ побили! я былъ увѣренъ въ этомъ.... я зналъ, что здѣсь Познанскій!... Здорово, ребята!»...

Узнавъ о незначительности потери, онъ почти не вѣрилъ въ возможность случившагося. Цѣловалъ офицеровъ и солдатъ.

Здѣсь необходимо добавить, что къ намъ на выручку спѣшилъ весь аварскій отрядъ изъ–подъ Тануса. Не доходя четырехъ верстъ до нашей позиціи, онъ остановился, не рискуя ночью двигаться дальше, слышалъ залпы изъ орудій и страшную перестрѣлку, а зная о численности непріятеля, предполагалъ, по крайней мѣрѣ, весьма значительную у насъ потерю въ людяхъ.

Вскорѣ подъѣхалъ генералъ князь Аргутинскій и начали выдвигаться массы кавалеріи и колонны пѣхоты. Въ Гоцатлѣ непріятель бросилъ въ пустыхъ сакляхъ до 50 тѣлъ убитыхъ; въ садахъ насчитали ихъ почти столько же, такъ что потеря непріятеля, навѣрное, превышала многимъ 500 человѣкъ убитыми и ранеными.

Апшеронскаго полка подполковникъ **Шиманскій.**